

Каждый цисгендер желает знать...

Авторство хрестоматийного замечания о том, что в России за десять лет меняется всё, а за двести лет ничего, приписывают многим — от Столыпина до Салтыкова-Щедрина. Никто не знает, кто высказался первым, да это и не так важно. Общее место. Реальность, данная нам в ощущении. В таких изначальных обстоятельствах жизнь отдельного человека обретает ту же безнадежную цикличность. Разница разве что в иных временных масштабах: за день в жизни человека меняется всё, а за месяц — ничего.

Чего только не происходит за день с каждым персонажем рассказов Александра Снегирёва! Разбитые вдребезги машины, лица и судьбы, ещё измены, предательства, а ближе к вечеру — и отчаянные попытки суицида... Но это всё никак не отменяет обязательные селфи в ванной, а также запланированные на следующий день, вписанные в гугл-календарь со звуковым напоминанием фитнес, йогу, отбеливание зубов или «подкалывание филлеров по контуру губ» — что бы это ни значило. К концу рассказа зачастую возникает подозрение, что эксцентрика жён, мужей, любовников, любовниц, битьё посуды, трагические заламывания рук, всё вплоть до оргазмов и попыток демонстративного недосуицида — точно так же заранее запланировано и вбито в смартфон, внесено в расписание.

Евгений Бунимович

Нет, тут я случайно обмолвился: конечно же, не в допотопное расписание, а в «скеджурал» — так непременно напишет автор, в рассказах которого ультрамодный сленг не выпирает как чужеродное тело, а естественно и даже необходимо вписан в ткань повествования, вплоть до самых спорных феминитивов и неизбежных зум-конференций, мгновенно завоевавших наш пандемический мир.

Снегирёв любит и умеет быть точным, легко и увлекательно рассказать историю, удивить неожиданной метафорой, фразой редкой пластичности, не брезгая при этом использованием рискованных приёмов, включая самые поповские и глянцевого. Он может заставить нас следить за вроде бы неважным застольным разговором, незначительным поворотом сюжета. Следишь — сам не знаешь почему.

Пока ведутся эти мелкие, необязательные разговоры, где-то журналистка в отчаянье идёт на самоожжение, где-то человек погибает на строительных лесах — практически в прямом эфире... Это проходит вроде бы по касательной, кажется, что почти совсем не затрагивает героев, но почему же атмосфера такая, что, как говорится, то ли чаю выпить, то ли повеситься?

В тексте много раз может встретиться какой-нибудь очередной «тачскрин», но ни разу — винтажное слово «любовь». Притом что в центре почти каждой истории — мужчина и женщина, семейная пара. Цисгендеры, как тут же уточняет автор. Не столь осведомленный в современном гендерном дискурсе читатель может воспользоваться «Википедией», чтобы узнать, что «этим термином обозначают людей, чья гендерная идентичность совпадает с приписанным при рождении полом». То есть вроде бы это всё те же мужчина и женщина.

Те же, да не те.

Каждый цисгендер желает знать...

В описании интимных отношений этих семейных пар, этих цисгендеров Снегирёв нередко использует всё ещё непривычную для русской литературы физиологичность, и именно эти моменты лишённой всякой эротики откровенной регистрации дежурных совокуплений становятся моментами крайнего отчуждения, отчаянного одиночества каждого такого цисгендера, безнадёжного одиночества вдвоём.

Движешься от рассказа к рассказу, от сюжета к сюжету, от истории к истории, и в какой-то момент вдруг замечаешь, что автор перестает прятаться за своими героями, вызывающими одновременно брезгливость и сочувствие, и на первый план выходит даже не альтер эго автора, как это принято и дозволено в литературе, а просто он сам, автор, человек — со всеми своими слабостями, комплексами, недореализованностью и фобиями представителя поколения сорокалетних. Жёсткая ирония здесь сменяется столь же жёсткой самоиронией.

Конечно, читателю хочется хотя бы намёка на выход, на свет в конце туннеля. Ну хоть на лучик надежды, полоску света под запертой дверью. При желании можно и это обнаружить в рассказах Александра Снегирёва, но, может, надежда теплится в самом отчаянии? в осмыслении и осознании масштабов бедствия? в честности и точности взгляда на себя и на мир вокруг?

Видит бог, это немало.

Евгений Бунимович

ГДЕ НЕ ДОСТАНЕТ РУКА

1

Для чего придуманы лампочки с холодным белым светом?

Для нацистских лабораторий, для допросных камер?

Кому пришло в голову вкручивать такие лампочки в люстры книжных магазинов? Посетители этих странных мест, назначение которых с каждым годом становится всё менее понятным, и без того чувствуют себя изгоями, зачем угнетать их сильнее?

Опустив глаза, стараясь впустить в себя как можно меньше белых пыточных лучей, я прохожу мимо полок. Когда выпустили мою первую повесть, в любом книжном я сразу отправлялся искать её, теперь даже не смотрю на буквы алфавитного указателя.

В конце торгового зала расставлены стулья: один спинкой к стене, остальные, расположенные в четыре ряда, обращены к нему, что называется, лицом.

Александр Снегирёв

Испытываю радость — стулья все до единого пусты. Если никто не явится, встречу с читателями можно будет отменить.

Можно будет вернуться домой, смотреть телевизионную передачу о путешествиях по экзотическим странам или листать без всякой пользы фейсбук.

Согласившись на эту встречу, я поступил торопливо, решив по старой памяти, что в подобных встречах заключается моя писательская обязанность перед издательством. Долг чести. Такие слова принято выделять курсивом.

Пока я размышляю о курсиве, меня окликают.

— Здравствуйте, Сергей, — доносится из-за спины.

Если моё имя пугают, то непременно называют Сергеем.

Как будто сговорились.

Мама хотела назвать меня Сергеем, но уступила мнению отца. Судя по всему, её желание было столь велико, что Сергей надо мной буквально витеет. И во лбу горит, и на затылке светится.

Я обернулся.

Так и есть, опять я Сергей. Окликает меня девушка лет тридцати с небольшим, а может, постарше или помоложе. Я разучился определять возраст. Только одно могу сказать точно — губы у неё шикарные.

Девушка извиняется, что перепутала моё имя, хоть я её и не поправил. Она говорит, что работает в издательстве и приехала провести мою встречу с читателями. Промодерировать.

Всё это она проделывает при помощи своих красивых губ.

Я улыбаюсь и делаю гримасу относительно того, что никаких читателей нет и, судя по всему, не будет. Я чувствую себя беззаботно, искренне, как мне кажется, радуюсь шансу свалить, но вдруг ощущаю каплю пота, сбжавшую по телу. Своим щекотанием капля сообщает, что вот только не надо притворяться.

— Главное — видеоотчёт, — произносит девушка и прилаживает к своему телефону маленький штатив.

— Если минут через десять никто не явится, предлагаю по домам, — говорю я, стараясь звучать вальяжно.

— Не имеем права, — отвечает девушка, проверяя, надёжно ли телефон держится в зажиме. Таким тоном говорят менты, когда им предлагаешь выпить. Она бы ещё добавила: «Я на службе».

— Ну, не будем же мы выступать перед пустыми стульями, — говорю я, употребив «мы» специально, чтобы она чувствовала сопричастность и не заподозрила меня в капризах.

Она втыкает в розетку электрический шнур — кольцо, обрамляющее зажим с телефоном, зажига-

Александр Снегирёв

ется ярким белым нимбом. Смартфон с нимбом — лучшая иллюстрация эпохи.

— Вы собираетесь сидеть или стоять?

— Будет довольно странно, если я стану разговаривать с пустыми стульями, и не важно, как я это буду делать, сидя или стоя.

Поняв, что никакое «мы» на неё не действует, я решаю отстаивать только собственные интересы.

— Сергей... Простите... вы будете выступать не перед пустыми стульями, а перед зрителями нашего ютуб-канала.

Догадавшись, что продолжать упираться бессмысленно и отвертеться не получится, я принимаю свою участь. То есть никуда не уйду, а на лице изображаю немного отрешённую улыбку, свойственную знаменитостям, которые принадлежат не себе, а своему искусству.

Вот уж где точно уместен курсив.

— Сидя или стоя? — повторяет вопрос девушка.

— Сидя, — отвечаю я как бы издалека, из своего внутреннего мира.

— Тогда начинаем.

Я сажусь на тот самый одинокий стул, смотрю перед собой. Ситуация любопытная. Меня припёрли к стенке, отрезав путь к бегству, не гвардейцы с дубинками, не чечены с ножами, а четыре ряда пустых стульев. Четыре ряда пустых стульев выстроились

боевым порядком, и холодный нимб уставился прямо в лицо.

XXX

— Добрый день, Сергей!.. — жизнерадостно воскликнула девушка. — ...Ой, извините, вырежем... скажите, как вы представляете вашего читателя?

Поднимаю глаза на нимб, щурюсь.

На видео этот близорукий прищур придаст мне мужественности.

Смотрю на пустые стулья перед собой.

— Мои читатели — обычные люди...

— Вы могли бы говорить в микрофон? — просит девушка.

— Мои читатели — простые люди, — повторяю я, поднеся микрофон ко рту. — Их не всегда заметишь, они не бросаются в глаза.

Собеседница деликатно ждёт, но, видя, что рассуждения про читателей завершились, задаёт следующий вопрос:

— Как вы думаете... — Она запнулась, явно собравшись снова произнести «Сергей», но овладела собой и нашла компромисс — не назвала меня никак. — Как вы думаете, зачем люди приходят на встречи с писателями?

Не хочется говорить, что повисла пауза, тем более что ничего не повисло. Но некоторая заминка всё-таки произошла. Не в динамике обмена вопро-

Александр Снегирёв

сами и ответами, а на каком-то, простите, энергетическом уровне. Едва я собрался ответить, твёрдо решив не смущаться, как она меня опередила.

— У меня заготовлены вопросы на случай, если гости ничего не спросят..

— Гости и в самом деле попались молчаливые.

— Можем перейти к следующему вопросу.

— Напротив, это интересная тема, не будем её игнорировать.

Вдруг захотелось ей помочь. Не виновата же она, что попался такой непопулярный подопечный. Я решил блеснуть красноречием:

— Люди любят смотреть на тех, кто заперт на арене. Люди трепещут перед силой и наслаждаются чужой слабостью, оставаясь, при этом за ограждениями.

Собеседница меня перебила:

— Давайте я поставлю штатив сюда, а сама буду задавать вопросы как бы из зала.

Она разместила штатив на одном из стульев. Нимб подрагивал, но она его уняла. А сама села во втором ряду.

— Прочитирую высказывание одного вашего читателя, который пишет под ником *Black Mamba 84*.

Я сидел с вытянутыми ногами, но, услышав про читателя с ником, подобрал ноги под стул.

— «Герои его последней книги картонные, а сама коллизия вторична и скучна», — прочитала сотрудница издательства с экрана своего смартфона.

— Интересное размышление, — сказал я, улыбаясь.

Вместе с улыбкой по моему лицу расплзается жар. Не хватает только покраснеть. От этой мысли жар усиливается.

— А вот слова с телеграм-канала «Борода Толстоевского», — продолжает неумолимая сотрудница издательства. — Я пересяду на другой стул, чтобы воссоздать атмосферу интерактивности.

— Будьте добры, — говорю я, хотя мог бы и промолчать.

— «Расползающаяся по швам претенциозная графомания».

— Это тоже по поводу моей последней книги?

— Да.

Теперь я точно покраснел. Критикам, выискивающим изъяны в моём последнем сочинении, было не просто, автор первого разгромного текста, цитата из которого приведена выше, сразу взял такую высокую планку, обрушил на меня такой камнепад, что всем последующим пришлось изрядно попотеть, чтобы хоть как-то соответствовать.

Вокруг пустые стулья, за стульями стеллажи с книгами. Между стеллажами ходы, в ходах чужие физиономии. Похоже на окопы, в которые ворвался неприятель. Всех моих перебили, один я остался, при-